

УДК 172.12

**ЗНАЧЕНИЕ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА
В ПРОЦЕССАХ ТРАДИЦИОННОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ**

Ф.Д. Хайбулина

Анализируются процессы, связанные с трансформацией и адаптацией гражданских институтов в Кыргызстане.

Ключевые слова: этнокультурные ценности; гражданское общество; политическая культура; гражданская культура.

**THE VALUE OF CIVIL SOCIETY IN THE PROCESS
OF TRADITIONAL SOCIAL MODERNIZATION**

F.D. Khaibulina

It is analyzed the processes related to the transformation and adaptation of civil institutions in Kyrgyzstan.

Key words: ethnic and cultural values; civil society; political culture; civil culture.

Кризисы последнего времени в экономике и политике, накладывающиеся на непрерывный процесс, в том числе и культурной глобализации, актуализируют проблему повышения эффективности диалога власти и общества в условиях необходимой модернизации большинства сфер общественной жизни.

Исследование и сопоставление разных парадигм развития гражданского общества в философском, культурологическом и семиотическом аспектах позволяет найти существенные характеристики кризисных этапов исторического развития и определить ключевые факторы, оказывающие воздействие на процессы как общественного диалога, так диалога власти и общества.

В качестве системы национальных “фильтров” в Кыргызстане выступают этнокультурные ценности. Они являются ориентирами, которые направляют историю, приводят к возникновению новых общественных процессов и интегрируют их творческую активность. Эти ценности первичны по отношению к историческому бытию и не могут зависеть ни от непосредственной социально-исторической ситуации, ни от случайных психологических факторов. Переход через такие “фильтры” переводит знаковое восприятие вещей, событий и поступков граждан на общепонятный для данного народа этнокультурный язык и обеспечивает общественный

и политический диалог в данном национальном или государственном образовании.

Специфика этнокультурных ценностей, формирующих гражданские ценности, предполагает их понимание в коммуникативном измерении: в их трансляции в культурно-исторической традиции и в их интерпретации адресатом. Семиотический подход, который применялся ранее только к сфере языка, позволяет также описать процесс трансляции и интерпретации этнокультурных ценностей в современном обществе. Однако, допуская понимание национальной ценности только в семиотической функции, можно оторвать их от той культурно-исторической традиции, в которой они транслируются и интерпретируются [1]. Нами в качестве гипотезы предлагается новый междисциплинарный генерирующий подход, предполагающий национальное описание института трансляции гражданского общества Кыргызстана.

Специфика восприятия этнокультурных ценностей через гражданское общество состоит в том, что хотя они и носят надындивидуальный характер, тем не менее, через институализацию гражданского общества они переживаются именно как индивидуальные ценности. Если человек сталкивается с требованиями закона или морали, то он прекрасно осознает их как императивы, первичные по отношению к собственной индивидуальности.

Однако при этом, этнокультурные ценности не воспринимаются как императивы закона и морали. Этнокультурные ценности становятся обязательными только тогда, когда человек воспринимает их как свои личные убеждения [2, с. 88]. В данном процессе, как мы полагаем, есть зависимость традиционных ценностных категорий от внешних инноваций, проявляемых, в том числе и через национальную транскрипцию “гражданского общества”.

Если государственные и идеологические ценности предполагают, что их субъект остается неизменным в акте коммуникации, и потому не обеспечивают возможность культурного развития, то ценности гражданского общества, предполагающие, что субъект обращается сам к себе и тем самым изменяется, в нашем случае, являются главным фактором дальнейшего творческого развития культурной традиции. Например, характеризуя советского человека как часть общества, Ю.А. Левада определял его основные черты следующим образом: принудительная самоизоляция, государственный патернализм, эгалитаристская иерархия, имперский синдром. Такой набор характеристик свидетельствует “скорее об определенной принадлежности человека системе ограниченных, чем о его действиях и интересах. Отличительные его черты – принадлежность социальной системе, режиму, его способность принять систему, но не его активность” [3, с. 24]. Следовательно, в этом процессе по отношению к России при формировании гражданского общества должно учитываться, что те способы поддержки общественным движениям, которые были эффективны в странах Центральной и Восточной Европы, явно недостаточны в стране с сильнейшими имперскими традициями, самыми длительными по времени периодами массового террора, полной прерывностью исторических связей с гражданским и общественным опытом советского и постсоветского XX в. [3].

Соответственно, политические идеологии имеют своей целью достижение конкретной выгоды. То самосознание, ориентированное на общечеловеческие принципы, трансформированные через этнокультурные ценности, направлено не на выгоду, а на духовный идеал, который становится фундаментом взаимопонимания и взаимодействия в общем историческом творчестве. Так, в Кыргызстане обращение к этнокультурным ценностям, трансформированным в гражданских институтах, обнаруживает в человеке не просто личность, но историческую личность, которая самоопределяется по отношению к исторической жизни своей страны, региональной и этнической принадлежности, к цели и смыслу исторической деятельности.

Исходя из вышесказанного, анализируя современное состояние гражданского общества

в Кыргызстане, мы наблюдаем те же характеристики, как и на всем постсоветском пространстве, где инициаторы гражданских инициатив, используя опыт и поддержку западных (европейских и американских) организаций и фондов, стремились “привить” в Кыргызстане культуру взаимодействия общества с властью, расширить поле благотворительной работы, оптимизировать возможности просветительской и волонтерской деятельности в самых разных областях социальной и политической жизни [4]. Диапазон работы этих организаций и фондов включает самый разный круг проблем: от защиты окружающей среды, прав этнических меньшинств, развития творческих способностей у детей и до общественного контроля над правоохранительными органами, а также отстаивания независимости журналистов от преследования властей. Вместе с тем, несмотря на все усилия участников этих организаций и фондов, влияние гражданского общества на демократические процессы в Кыргызстане остаются очень ограниченными. Объяснять трудности его развития давлением государства, видящего в развитии сети некоммерческих организаций (НКО) угрозу собственному монополизму, логично и вполне оправданно, учитывая, что после установления авторитарного и традиционалистского по своим идеологическим установкам режимов экс-президентов – А. Акаева, К. Бакиева, они возросли многократно, поскольку общественные организации стали рассматриваться как каналы западного влияния.

Помимо этого, трудности демократизации и развития гражданского общества были обусловлены особенностями политической и гражданской культуры населения Кыргызстана, не знавшего никакой другой жизни, кроме советской, с ее идеологической установкой важнейших аспектов повседневности. Инерция этого опыта, как показывают различные исследования, была намного более мощной, чем это казалось в первые годы новых среднеазиатских республик [5].

И дело здесь не только в недостаточности усилий по просвещению якобы косного общества, слабой эффективности или непродуктивной деятельности по внесению новых идей и знаний о том, как устроены современные демократии, на какие структуры они опираются и т. п., а в недооценке степени и характера приспособленности массового постсоветского человека к репрессивному государству. А также психологических и моральных последствий такой адаптации и симбиоза с традиционным азиатским режимом.

Модель гражданского общества, описанная выше, в ситуации краха советского режима нужда-

лась не только в дальнейшей проверке (насколько устойчивы ее элементы в отдельности и в целом сама система), но и в выяснении целого ряда вопросов: как ведет себя социум в ситуации обыденности исторического перелома, разложения закрытого общества.

Первые выводы, к которым мы приходим, заключаются в том, что с началом распада традиционных образов общественных институтов, общественные установки, воспринимаемые этноиндивидом, утратили представление о своем будущем, чувство направленного времени, пафосной уверенности в завтрашнем дне. “В обстановке общественного кризиса латентные компоненты каждой антиномии выступают в это время на поверхность и превращаются в мощный дестабилизирующий фактор” [6, с. 50].

“Подсознание” традиционного общества составляло и образовывало следующее: теневые, а потому аморфные, плохо артикулируемые значения социальности, касающиеся значений насилия как символического кода поведения, репрессивного контроля, недоверия к другому, страху перед ним, готовности к обману, агрессии, – все это стало выходить на первый план, обретая уже не негативные, а позитивные определения и смыслы коллективной солидарности (значения “наших”, “своих”, “национальных ценностей”, “наследия предков” и т. д.). [7]

Первым симптомом деградации образца можно считать изменение знака отдельных его составляющих (но не самой его структуры). Линии разложения вначале проходили по символическим значениям власти – объективациям государственного патернализма. Сверхавторитет новых политических лидеров и надежды на новую “реформированную” власть (волнообразные процессы роста и падения популярности А. Акаева, К. Бакиева, А. Мадумарова, Ф. Кулова, К. Ташиев и др.) скоро обернулись разочарованием и дискредитацией власти в целом. Затем ростом ксенофобии и социальной зависти, что и было канонизировано современной администрацией в виде антипатии и враждебности к “олигархам” и Западу, проявляемые через спорадические акции (борьба с коррупцией, против привилегий, за социальную справедливость и т. д.).

Иначе говоря, распад традиционной системы институтов отнюдь не означал, что начались интенсивные процессы социально-структурных преобразований, предполагающих автономизацию ведущих групп общества и их ценностей. Важнейшие подсистемы гражданского общества – суд, образование, общественное управление, система массовых коммуникаций – остались под прямым

государственным контролем, которому собственно и принадлежат власть, ресурсы силового управления, а ведь именно эти структуры должны оставаться в ведении гражданского общества.

Религия, будучи реабилитированной в постсоветское время, фактически превратилась в один из государственных департаментов. СМИ, получив полную свободу после 1991 г, с приходом К. Бакиева и укреплением вертикали власти, практически ее утратили. Все вместе это означает, что “элиты” по-прежнему ориентируются на власть и не в состоянии выполнять свои собственные социальные функции, то есть остаются псевдо- или квазиэлитами, эти процессы ведут к искаженному восприятию гражданских ценностей как на уровне индивида, так социума в целом [8].

Вместе с тем попытки восстановить централизованный государственный контроль в прежнем объеме, без сопутствующих социальных механизмов (политической полиции, насаждения единой идеологии, атмосферы страха и т. п.), невозможны, поскольку без них нельзя сдерживать постоянно возникающие неформальные (теневые, “серые”, сетевые) связи и структуры обмена ресурсами и коммуникации между различными группами и институтами. [9, с. 187–198]

В данном случае, расцвет коррупции свидетельствует не столько о падении социальной морали, сколько о настоятельной потребности институционального согласования частных, групповых и институциональных интересов. Поэтому коллизии такого рода оказывают разлагающее воздействие на саму систему централизованного государственного контроля.

В связи с этим интересно, что еще в первые годы после краха советской системы среди более образованной части кыргызстанского общества были довольно широко распространены представления о том, что новое поколение, социализированное уже в других условиях, окажется носителем совершенно иных ценностей, будет характеризоваться другой этикой, мотивироваться иначе, чем их предки. Отчасти такие ожидания подкреплялись и данными социологических исследований, свидетельствовавших о том, что молодежь не только более образована, ориентирована на другие стандарты потребления, но и на то, что она не испытывает обычных для старшего поколения страхов. Однако эти предположения оказались скорее набором стереотипов и иллюзий, а не прогнозами, основанными на теоретическом знании и анализе фактического материала.

Таким образом, в настоящее время при формировании национального гражданского общества в Кыргызстане возобладали эклектические

тенденции имитации прежних символических структур: ностальгия по советскому величию, идеализация слабоизученного, а соответственно не активного исторического прошлого, прежде всего мифологизация побед “Кыргызского великодержавия”, обрядово-магическая сторона религиозного “возрождения” и пр. Настоящее (требования к самим себе, мотивы собственного достижения) по-прежнему воспринимается гражданским населением в категориях хронического развала, кризиса, состояния дезориентированности и безвременья, как фактор удовлетворения своих личных запросов и потребностей.

Литература

1. *Лотман, Ю.М.* Семиосфера / Ю.М. Лотман. СПб., 2000.
2. *Данилевский И.Я.* Россия и Европа / И.Я. Данилевский. М., 2001.
3. Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 1990-х / Авт. кол. А.А. Голов, А.И. Гражданкин, Л.Д. Гудков, Б.В. Дубин, Н.А. Зоркая, Ю.А. Левада (руководитель проекта), А.Г. Левинсон, Л.А. Седов. М., 2013.
4. *Байматов Б.* Специфические местные аспекты “гражданского общества” в Кыргызстане: взгляд с социальной и географической периферии / Б. Байматов // Cyberleninka. URL: <http://http://cyberleninka.ru/article?gclid=CLaFpLz118QCFbQatAodXTYAQA>
5. *Гудков Л.* Бедность и зависть: негативный фон переходного общества / Л. Гудков, М. Пчелина // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 2005. № 6.
6. *Афанасьев М.Н.* Клиентелизм и российская государственность / М.Н. Афанасьев. М., 1997.
7. *Зотова Н.* Центральная Азия: пути и возможности эволюции существующих режимов / Н. Зотова // Cyberleninka. URL: <http://www.arba.ru/news/1493>
8. *Мусаев Б.* Несколько критических замечаний в связи с вопросом о кланах Узбекистана / Б. Мусаев // Centrasia. URL: <http://www.centrasia.ru>
9. *Моска Г.* Правящий класс / Г. Моска // Социс. 1994. № 10. *Cyberleninka*. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/>